

С. Маслинская (Леонтьева)

«ПИОНЕРСКАЯ» БЕЛЛЕТРИСТИКА VS «БОЛЬШАЯ» ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В статье идет речь о таком специфическом явлении отечественной детской литературы 1922–1926 гг., как пионерская беллетристика — произведения авантюрного жанра, предназначенные для детей пионерского возраста (9–14 лет). Пионерская беллетристика унаследовала типичные сюжетные схемы и персонажей у предшествующей традиции детской литературы (например, в творчестве Лидии Чарской) и одновременно являлась конкурентом дореволюционной детской литературы на книжном рынке НЭПа. Авторы произведений, выходявших в специальных книжных сериях для пионеров, попытались привнести новое идеологическое содержание в старые фабульные формы приключенческой прозы. Педагогическая критика сначала отнеслась к этим экспериментам благосклонно, но с 1925 г. пионерская беллетристика была раскритикована и больше не переносилась.

Ключевые слова: пионерская беллетристика, авантюрные сюжеты для детей, детская литература периода НЭПа, педагогические концепции детской литературы.

В истории отечественной детской литературы 1922–1926 гг. выделяются особо. Именно тогда формировалась новая советская детская литература. Хорошо известен «издательский ренессанс» тех лет: издательства («Молодая гвардия», «Новая Москва», «Радуга», «Юный ленинец», Издательство Г. Ф. Мириманова, ГИЗ и др.) и авторы устремились удовлетворять государственные и потребительские запросы на создание новой литературы для советских детей¹.

Тем не менее как в истории книгоиздания для детей, так и в истории советской детской литературы остается мало осознанным тот факт, что в общем потоке голосов, пытавшихся сказать свое реформаторское слово, заметно выделяется агитационно-пропагандистская речь пионерской литературы. Заказ на особую литературную продукцию, предназначенную для маленьких читателей — членов пионерской организации впервые четко был сформулирован в резолюции XIII съезда партии (май 1924):

* Впервые опубликовано в: «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сб. ст. / сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб. Алетей, 2012. С. 231–245.

Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания пионерской литературы (выделено мною — С. Л.), привлекая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации [Резолюция XIII съезда партии 1922, с. 113].

За партийной резолюцией последовали тезисы VI съезда РЛКСМ (июль 1924 г.), содержащие аналогичные директивы:

В связи с ростом детских организаций и повышением их требований необходимо расширение издания литературы, обслуживающей пионерское движение. Издающаяся в настоящее время партийными и советскими издательствами массовая детская литература далеко не отвечает задаче классового воспитания детей. Необходимо реорганизовать эту работу при непосредственном участии комсомола. Печатное слово является мощным средством воздействия на развитие ума и характера ребенка и поэтому изданию революционной детской литературы должен быть уделен максимум внимания [Разин 1926, с. 7].

То, что пионерская литература будет занимать в детской литературе особое место, сразу было ясно ее создателям, ведь она формировала и поддерживала существование самой организации, ее коллективную практику². Первые библиографы отделяли пионерскую литературу от остального массива детской печатной продукции по прагматическому признаку. В одной из ранних библиографических работ противопоставление дано в самом названии пособия — *Библиография пионерской и детской книги (1919–1925)* и в одном из разделов — *Пионерская и детская литература*. Разъясняя заявленное соположение, И. М. Разин, составитель этой первой библиографии пионерской книги, пишет:

Очень часто путают термины «пионерская» и «детская» литература. Следует дать точное объяснение каждому из этих терминов. Мы считаем, что слово «пионерская» литература определяет только ту литературу, которая обслуживает руководство пионердвижением и отдельные виды пионерской работы. Меж тем подчас под этим словом подразумевается вся литература, издаваемая для детей пионерского возраста. В действительности всю остальную (не руководящего характера) литературу следует отнести к «детской» литературе [Там же, с. 8].

Данная оговорка весьма существенно уточняет границы книг и периодики, которые, в первую очередь, были призваны усилить, как цитировалось выше, «моменты классового, интернационального трудового воспитания». Пионерская — частный случай советской детской литературы, но не вся советская детская литература была пионерской. Это тем более необходимо учитывать, когда речь идет о ранних этапах советской детской литературы, когда расслоение печати на политически ангажированную и нейтральную было

Каринцев Н. Приключения американского пионера. М.: Новая Москва, 1924 (Библиотека юного пионера).

особенно явным. Писатели середины 1920-х гг. вступали в вынужденный или чаемый диалог с идеологической государственной доктриной. Одни прямо и незамысловато отражали новую концепцию мироустройства, другие делали это более опосредованно, но в целом для сложившейся ситуации характерен баланс сил, она не исчерпывалась, как зачастую представляется, битвой титанов К. И. Чуковского и С. Я. Маршака с советской партийно-педагогической критикой. В 1922–1926 гг. равнодействующих сил в производстве детской литературы было несколько — именно сил, а не авторов. Одной из них, собственно, и являлась пионерская литература.

СЕРИИ ПИОНЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пионерская литература, обеспечивая коллективную практику пионерской организации (в частности ритуалы; например ритуализованное чтение и беседы у костра), имела свои каналы распространения. Предназначенная для пионера и вожакого, она шла к своему читателю как через периодическую печать³, так и через дешевые книжные издания, в том числе в составе серий. Создание в 1922–1926 гг. специальных пионерских книжных серий важно в

разных отношениях: это и первые попытки задать новое русло в отборе тем, жанров, сюжетов, оформительских образцов, и первое систематичное представление новой пионерской, доселе неведомой, «картины мира», это и механизм привлечения нового читателя, и переориентация уже опытного читателя-подростка, затыгивания его в орбиту нового читательского круга, это и способ формирования читательских ожиданий, предпочтений и компетенций.

Книжки⁴ в таких сериях издавались тиражами от 1000 до 15000 экз. В 1922–1926 гг. последовательно выходили недолговечные, но показательные по названиям серии *Библиотека юного коммунара* (1922), *Библиотека юного Спартака* (1923). В 1924 г. в Саратове издавалась *Библиотека юного пионера-ленинца*.

Первая полноценная пионерская серия *Библиотека юного ленинца* стала выпускаться в 1924 г. в Харькове при «Обществе содействия юному ленинцу». Всего вышло 88 брошюр. В жанровом отношении она представляла собой практически «энциклопедию новой жизни». С одной стороны — декларации пионерской организации, законы и обычаи пионеров; научно-популярные и технические пособия, санитарно-гигиенические и прочие просветительские издания⁵. С другой — художественная литература: пьесы для постановки силами «пионерского театра» (преимущественно произведения А. Д. Иркутова); пионерские песни; беллетризованные биографии «наших вождей» и «героев» (Халтурин, Горький, Спартак, Алексеев, Ленин) и, наконец, собственно беллетристика. Помимо *Библиотеки юного ленинца* в те же годы в Москве выходила *Библиотека юного пионера*. Издания этой серии уже были объединены в подсерии: *Богатства СССР*, *Пионерская беллетристика* и др.

Именно «пионерская беллетристика» стала серьезным конкурентом на рынке детской книжной продукции, который предлагал в большом количестве новую бульварную, а также дореволюционную детскую и юношескую беллетристику, в частности произведения Л. А. Чарской.

Что же представляла собой пионерская беллетристика, изданная в этих сериях⁶? Имена ее авторов практически стерты с карты истории детской литературы. Если в советском литературоведении в разделах учебников и монографий, посвященных данному периоду, их имена и книжки о «бесстрашных «Федьках» и «Ваньках»» хотя бы упоминались (как правило, с извинительными интонациями или обвинениями в малохудожественности⁷, то в современных учебных пособиях о них нет ни слова — они вычеркнуты из литературного

процесса 1920-х гг. А между тем такие авторы, как П. Н. Дорохов, Д. И. Крутиков, Л. И. Гумилевский, Дм. Бедринский и многие другие рьяно создавали в 1920-е гг. пионерские бестселлеры, воспитывая первое поколение «детей Октября», которое к середине 1920-х гг. как раз научилось читать.

Их тематика отвечала спросу, сформулированному читателями Киевской центральной детской библиотеки в трех словах: «приключения», «путешествия», «о девочках» [Зингерман 1926, с. 51].

КОТОРЫЕ БУЗУ ТРУТ — ВОТ БЫ ЧИТАНУТЬ

Приключенческая литература вбирала в себя десятки произведений, посвященных героическим будням революции и гражданской войны. Еще в предшествовавшее десятилетие события Первой мировой войны и участие в ней детей легли в основу романтического военно-героического канона в детской литературе (показателен специальный номер журнала *Война — Дети-герои на войне*, вышедший в 1915 г. [Война 1915]). К его формированию была причастна и Л. А. Чарская (повесть *Игорь и Милица* и др.). Но в 1922–1926 военно-приключенческая проза пережила настоящий всплеск, обусловленный прямым партийным заказом на серийную пионерскую «пинкертоновщину». Он находился в тесной связи с заказом на взрослый «красный пинкертоновщину» и был озвучен Н. И. Бухариным на V Всероссийском съезде РКСМ в октябре 1922 г.⁸. Ответом на призыв Бухарина стала повесть для детей и юношества *Красные дьяволята*, написанная П. А. Бляхиным в 1923 г.

Новые герои — дети-пионеры — совершали «необычайные поступки», далеко выходящие за границы возможного. По словам Е. М. Балашова, героями авантурных сюжетов становились «красные партизаны», которые, столкнувшись лицом к лицу с «классовым врагом» (попав в плен к белым и т. п.), ловко, быстро и просто преодолевали все опасности и препятствия и выходили победителями злодеев, противников. Белые же представлялись негодяями, обжорами, пьяницами, лентяями и дураками, так что обмануть и победить их не стоило никакого труда» [Балашов 2003, с. 38]. Так, например, в названных сериях дважды вышла книжка М. Михайлова *Федька Апчхи* [Михайлов 1925] (1925 и 1926 гг.). Ее главный герой — мальчик, убежавший на фронт, попадает на революционный бронепоезд, и красноармейцы берут его с собой. Он в одиночку освобождает разведчиков из лап белогвардейцев, затем выкрадывает у белых портфель с документами, спасает бронепоезд и т. д. и т. п.

Варич С., Филло Н. Приключения Кима. Путешествие по Африке. Харьков: Кремпечать, 1925 (Библиотека юного ленинца).

Среди приемов создания авантюристичности — и переодевания, и побег, и погони, и случайное спасение, и проявление необычайной силы и выдержки героя, и другие трикстерские трюки.

К числу аналогичных авантурных повествований относится и рассказ П. Н. Дорохова *Сын большевика* [Дорохов 1925], вышедший в 1925 г. и выдержавший до 1930 г. восемь переизданий в разных сериях. Отец Миши — большевик, скрывающийся от белых. Мальчик и его мать поэтому вынуждены уехать из города, в котором жили ранее. Они скитаются до того момента, пока отец не передаст им весточку о том, где его следует ожидать. Из городка, в котором назначена встреча, Миша пишет отцу письмо. Однако посыльный замерзает в метельной степи, и отец лишь случайно находит его. В финале, после всех перипетий, члены семьи встречаются, но ненадолго: отец готовится снова уехать, а Миша, вдохновленный образом жизни отца, намеревается стать большевиком. Типичные признаки традиционного авантурного нарратива (формально мотивированные перемещения, случайные встречи, преследования и пр.) оказываются тесно связанными с новой идеологической системой: так, семья не является чем-то устойчивым и стабильным, она принимает ту конфигурацию, которую требует новое время.

Схожим образом решается и традиционная для бульварной приключенческой литературы тема, связанная с жизнью преступной среды. В обновленном виде она представлена в рассказе Дяди Левонтия *Ильичев сын*. Сын бандита Алешка в начале повествования мечтает о том, как он вырастет и станет атаманом. Однако после крупной ссоры пацанская шайка вступает в сговор, чтобы подставить его «милынам», и лишь пионеры из «Дома подростков № 2» выручают его из беды. Кстати, именно дурные литературные вкусы (он читает *Пинкертон*, *Рокамболя* и *Таинственную пещеру Лихтвейса* [Дядя Левонтий 1925, с. 59]) способствуют иллюзиям об авантюрном смысле жизни. После встречи с пионерами Алешка вступает на путь исправления, декларируя: «Пионер я теперь и не ругаюсь и не дерусь, а иду я теперь на смену старшим, в борьбе уставшим, и Комсомолу, по стопам Ильича — во! И вся» [Там же, с. 62]. В качестве действенного результата «пионеривания» в финале рассказа герой приходит домой за младшими братьями, чтобы забрать их в детдом и сделать октябрятами. При этом он бросает вызов отцу, заявив, что теперь он «Ильичев сын»: «А ежели отцы — лодыри да пьяницы — не отцы они нам. Вот тебе и весь сказ» [Там же, с. 63].

Популярная в начале XX в. шпионская тема в 1920-е гг. также приходит в пионерскую литературу. Так, в книге В. Коренькова *Всегда готов!* с подзаголовком *Героический подвиг пионера*, вышедшей в серии *Библиотека юного ленинца* в 1925 г., главный герой Петька Бойков подозрительный автомобиль принимает за шпионский, выслеживает и, услышав иностранную речь, резюмирует: «Безусловно, здесь заговор. Не русский разговор убеждал Петьку в такой мысли. Не ждать добра шахтерам от таких образованных людей» [Кореньков 1925, с. 19]⁹. Он проявляет героическую находчивость и смелость: пробирается в шахту и перерезает провода взрывчатки, тем самым предотвратив катастрофу, затем идет в милицию и доносит на врагов советской власти, проявляя полную независимость от взрослых. Аналогично ведет себя герой рассказа Л. М. Лариной *Заслужил* [Ларина 1925], вышедшего в той же серии.

Реже представлены в данных сериях сюжеты путешествий. Пионеры либо отправляются в страны, в которых в ближайшем будущем грядет революция (чаще всего освещается политическая жизнь Китая и Германии как главных претендентов), либо в неразвитые туземные страны, чтобы нести свет политического просвещения. Примером первой разновидности является произведение С. Крем-

нева *Юные революционеры* [Кремнев 1925], второй — *Приключения Кима* Н. Филио и С. Варич [Варич, Филио 1925].

Путешествия по стране Советов — это прежде всего скитания бездомных сирот в поисках хлеба, что связано с реальными странствиями мешочников в период Гражданской войны и последовавшей за ней разрухи. Но в то же время в произведениях о детях-сиротках сказывается литературное наследие сиротской темы дореволюционной литературы. Так, в повести Д. Бедринского *За хлебом* мальчики-сироты Петька и Прошка, безотцовщина, отправляются из своей деревни с соседом дядей Ермилом на юг России. Их скитания полны драматических моментов: от расстрела белыми дяди Ермила до финального эпизода, когда ребята вступают в схватку с белыми казаками и при помощи подросших красноармейцев одерживают победу. Испытания, через которые проходят герои, несколько иные, нежели в сиротских произведениях Л. А. Чарской (*Щелчок*, *Записки сиротки*, *Сибирочка*, *Приютки* и др.), но инициационные механизмы те же: пройдя «полосу препятствий», герои обретают свою новую семью. В случае с пионерскими книгами семьей становится советский народ. Несколько произведений посвящены теме усыновления и/или перековки сирот и беспризорных, вовлечения их в новую советскую семью (рассказы Л. Гумилевского *Памятник* [Гумилевский 1925, с. 3–8] и Дм. Крутикова *Васька-кочеток* [Крутиков 1926], вышедшие в серии «Библиотека юного пионера»).

В произведениях «о девочках» (их в названных сериях совсем немного) проявляются те же особенности характера героев, что и в других беллетристических жанровых разновидностях: героини-сироты показаны идеологически зрелыми советскими людьми с несгибаемой волей. В рассказе Гумилевского *Лушина воля* девушка-сирота, приехавшая в деревню Костровку, обустроивает жизнь взрослых — помогает создать ясли-сад «Солнышко» [Гумилевский 1925]. Так же активна и Верка, героиня рассказа Л. М. Лариной *Помогла* [Ларина 1925], которая хитростью при помощи пионеров принудила мать научиться читать, а затем вовлекла ее в общественную работу. Впрочем, при всем том что героини представляют собой тип новой девочки-пионерки, было бы натяжкой видеть в этих произведениях гендерную проблематику. Дети в пионерской литературе активны и предприимчивы — принимают самостоятельные, независимые решения и даже напугивают взрослых — независимо от пола.

Пионерская проза вполне укладывается в беллетристические шаблоны, выработанные в творчестве Л. А. Чарской и других дет-

ских писателей первых двух десятилетий XX в., а пионеры, персонажи приключенческих сюжетов пионерских книжных серий, в определение Ф. Сологуба, высказанное им еще в 1926 г. по поводу произведений писательницы: «Чарская имела большую дерзость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых... Еще большую дерзость — хотя, конечно, после Льва Толстого, и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми» [Путилова 1995]. Но одновременно новый герой более чем согласуется с литературным контекстом эпохи. Энергичный, зачастую авантюристического типа, он является не только частью детской литературы, но встраивается в поиски нового героя во взрослой литературе, в более широкий контекст авангардистского изображения нового человека в советском искусстве 1920-х гг.

Повод к тому, чтобы представить ребенка 1920-х гг. как человека динамичного и готового отозваться на требования времени, давала и социально-историческая действительность: мобильность, характерная для жизни 1920-х гг., смены (порой неоднократные, взаимобратные) социального статуса, миграция по стране и за ее пределы и пр.¹⁰. Поведение литературных героев во многом отражало реальность с ее нестабильностью, потерей дома и родителей, вынужденными или желанными возможностями уехать на стройку, фронт, могилу к Ильичу...¹¹ Однако педагогическая критика не готова была мириться с таким «предприимчивым реализмом».

ЗАМЫСЛЫ КРАСНОГО ПРИКЛЮЧЕНЧЕСТВА

Власть уже в 1925 г. забила тревогу, свидетельством чему является, например, резолюция Оргбюро ЦК РКП(б), опубликованная в журнале *Вожатый* от 24 августа 1925 г., в которой констатировалась «слабость пионерской литературы» и выдвигалось требование ее усилить. Руководители детского чтения практически сразу присоединились к критике, и довольно яростно.

Если в январе 1925 г. рассказы А. Рыжова *Пропавший докладчик*, *Тайна кооператива*, *Красный билет* охарактеризованы вполне лояльно: «Рассказы написаны в стиле американской авантюрной беллетристики, читаются с интересом и дают некоторое представление о пионерском быте» [Голубков 1925, с. 86], то уже в двадцать третьем номере журнала *Вожатый* интонации становятся более жесткими при сохраненной в целом позитивной оценке: «Приключения героев С. Григорьева несколько не фантастичны. Свои увлекательнейшие

Варич С., Филло Н. Приключения Кима. Путешествие по Африке. Харьков: Кремпечать, 1925 (Библиотека юного ленинца).

сюжеты С. Григорьев почерпнул из действительности революционных годов, когда советская страна была изборождена фронтами и в кровавых боях рабочий народ отражал врага» [Добин 1925, с. 41]. В повести *Тайна Ани Гай* дворянская девочка скитается по стране совершенно в духе сироток Чарской, что в 1934 г. подметит С. Я. Маршак, назвавший повесть «традиционным детективом с примесью идиллического детского романа о мальчике и девочке, разлученных и ищущих друг друга» [Маршак 1971]. Но в 1925 г. такая героиня признается типичной: «Героям повести Григорьева можно сделать упрек, что они похожи друг на друга. Это потому, что Григорьев рисует то новое советское поколение ребят, у которых революционные будни выковывали величайшее упорство и стойкость, могучую волю в достижении цели, готовность положить душу за свое правое дело. <...> Важнее всего, что взято и художественно описано то поколение ребят, которое, не нося еще красных галстуков, являет собой лучший идеал пионерства». И далее критик с удовлетворением констатирует: «Истекший год является годом рождения новой, подлинно советской художественной литературы для ребят» [Добин 1925, с. 40–41].

Однако эйфория по поводу рождения новой детской пионерской литературы длилась не больше полугода. А. Гринберг оценивает тех

же авторов уже иначе: «Другим молодым пионер-писателем владеют замыслы красного приключенчества. Язык его лих и разудал: подвиги пионеров чрезвычайны; для поднятия настроения разговоры действующих лиц пересыпаны бодрящей бранью; о том, что, кроме шамовки, существует еще и еда, автор забыл окончательно; если пионер вздул неорганизованного обидчика, то зрители говорят: «Ловко ты его отчиклешил!»» [Гринберг 1926, с. 98].

В том же номере *Народного учителя* выходит статья А. Желобовского *Пионеры в литературе (По существу и по поводу)* [Желобовский 1926], в которой критик твердо формулирует: «Дело в том, что в последнее время пионер сделался в детской литературе своего рода литературным именем, вроде того, как раньше благородный авантюрист или агаман разбойников. Нередко он используется как олицетворение прежнего рока и приводит все к благополучному концу. Такой пионер естественно приобретает штамп, теряя специфические пионерские черты» [Там же, с. 101].

Среди плохих книг им называются произведения, вышедшие как раз в пионерских сериях: *Приключения Кима* (Варич и Филио), *Приключения пионера Пети* (Валентин), *Митька за границей* (Богданов) и *Пионер в Америке* (Тринань-Милевский). А. Желобовский первым выразил собственно литературоведческие претензии к пионерской беллетристике: «Индивидуализм пронизывает эти глубоко старые и по литературным приемам, и по идеологии книги» [Там же]. Он провел типологические сюжетные аналогии, в частности о пере рождении беспризорного в пионера: «Это такой же шаблонный конец в нынешних детских повестях, как свадьба в старых романах». Положительной оценки критик удостоивает только «книги, рисующие быт пионеров. Это и есть собственно пионерская литература, пионерская по существу» [Там же, с. 103]. Впрочем, таких книг в пионерских книжных сериях почти не было издано.

Справедливости ради надо заметить, что авторам пионерской литературы была свойственна некоторая рефлексия по поводу штампованности и шаблонности своей продукции. Последним изданием в серии *Библиотека юного ленинца*, вышедшим под № 88, был сборник произведений Дяди Левонтия (псевд. Л. Леонтьева), среди которых есть сатирический рассказ *О таинственном красном флаге, спартаковце Мише, комсомольце Молотове и прочем таком*, повествующий о вредных последствиях чтения приключенческой пионерской литературы [Дядя Левонтий 1925]. Но механизм уничтожения пионерской беллетристики уже был запущен.

В 1926 г. пионерская беллетристика была уравнена и заклеена вместе с Чарской: такой авторитетный библиотековед, как А. Покровская, в критической статье *Приключения в современной детской литературе* дает обзор девятнадцати новых книг, среди которых *Красные дьяволята* Бляхина аттестуются как «типичный и яркий образец «красной романтики» для детей, наивный и лубочный» [Покровская 1926, с. 43], а сам Бляхин характеризуется как «талантливый продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский» [Там же, с. 44]. Действительно, пионерская беллетристика, будь то странствия рабоче-крестьянских сироток или авантюры с подрывом белогвардейских бронепоездов, создавалась с очевидной оглядкой на Чарскую и, шире, в русле уже сложившейся традиции детской беллетристики начала XX в. Поэтому, критикуя пионерскую литературу периода НЭПа, педагоги и писатели раздраженно припоминали Чарскую. Она стала экземплификативом — приводимым в качестве примера именем — детской беллетристики вообще, а термин «беллетристика» в речах партийных функционеров Наркомпроса и просоветских литераторов становился бранным словом.

Критика пионерской приключенческой прозы стала, таким образом, частью разворачивающейся с середины 1920-х гг. дискуссии о методе в детской литературе. Н. К. Крупская на I Всероссийской конференции по учебной и детской книге в мае 1926 г. задала новую художественную установку: «Если мы хотим создать настоящую книжку для чтения, то мы должны побольше вглядываться в окружающую жизнь; там мы можем почерпнуть такое количество материала, которое даст возможность создать нужную ребенку книжку» [Крупская 1959, с. 240]. Вслед за авторитетными лидерами Наркомпроса в дискуссию вступили педагоги и библиотекари: «Все эти новые дети, все эти фабзайчики и пионеры удивительно похожи один на другого: все одинаково бодрые, жизнерадостные, всегда готовые, всегда говорят одинаковой речью, то гладкой, как пункты инструкций, то задорно-косноязычной, как кружковый жаргон» [Марголина 1926, с. 14].

Подобные произведения ожесточенно критиковались за отсутствии правды жизни:

Реальная действительность дает бесконечно богатый, разносторонний, постепенно усложняющийся материал для формирования всех сторон растущего

детского организма. Материал этот, взятый без всяких искажений, утрировок, домыслов, постепенно организует опыт ребенка, ориентируя его в явлениях природы и общественной жизни, и в то же время повышает пластичность и творческие возможности ребенка, не уводя его от действительности, а ведя к ней [Моложавый 1926, с. 6].

В обсуждение границ правдоподобия и реалистичности были втянуты, казалось бы, вполне лояльные авторы и даже активные сторонники Советской власти: Бляхин, С. Ауслендер, Л. Остроумов, Л. Гумилевский и многие другие.

К 1929 г. они получили жесткие политические ярлыки: «Кого мы называем приспособленцами? Писателей, спекулирующих на революционных темах, дающих антихудожественные и антипедагогические вещи, фальсифицирующие революционный пафос [Дитрих, Олейников, Беленко, Кетлинская 1929, с. 2]. Критика приспособленцев приобретала адресно направленный агрессивный характер. Так, А. Желобовский, в 1930 г. обличая Л. Остроумова, писал о его книгах: «Герои гражданской войны в них нет. В цепи штампованных положений, из которых они состоят, слишком очевиден примат приема. Авантюрная форма, не преодолевшая материала, а прошедшая мимо него, заменившая пафос настоящей борьбы легким анекдотом, нам не нужна» [Желобовский 1930, с. 25]. В своей статье со знаковым названием *В защиту жанра («Небывальщина» и романтизм)* Остроумов отстаивал право на авантюрную героиню, доказывал, что герои романтического произведения — это герои советские: «Они наделены исключительными качествами, им всегда все удается, побеждают ли они кентавров или драконов, освобождают ли страну от гнета мавров, строят ли социализм в окружении капиталистических стран» [Остроумов 1930, с. 22]. И вразрез с социальным заказом провозглашал: «Наша задача — воспитать сильного и предприимчивого гражданина» [Там же]. В 1930 г. такое видение воспитательной программы детской литературы не имело шансов выжить.

Детская беллетристика на долгие годы была противопоставлена реалистической детской литературе:

Вероятно, никто из библиотечников детских библиотек не будет отрицать, что в настоящее время наибольшим спросом среди мальчиков-читателей пользуется литература героического характера — «о стычках», как они говорят. <...> А так как в мирной обстановке нет нормального выхода такого рода порывам, приходится вместо военных подвигов наблюдать драки, мордобития и, к сожалению, нередко поножовщину. И невольно напрашивается вывод, что мальчики — военные герои — отжили свой век, что их пора сдать в архив. На их место должны прийти новые маленькие герои — герои мирного строительства [Полянская 1929, с. 69].

Подростковая и юношеская девиантность была поставлена библиотечными работниками и педагогами в прямую зависимость от круга чтения юных пионеров, такая прямолинейность не была свойственна библиопсихологии первых двух десятилетий XX в., но стремительно распространилась к концу 1920-х гг. Это был еще один аргумент в пользу смены литературной парадигмы в детской книге. Хотя в среде исследователей детского чтения еще в 1920-е встречались робкие попытки детерминировать пионерскую беллетристику социально-историческими причинами: «Повышение спроса на приключенческую литературу предположительно можно отнести за счет эпохи, необычайно динамичной в смысле нового строительства» [Позднякова 1929, с. 93–99], — такой социологический взгляд на проблему в те годы не имел успеха.

«Индивидуализм» пионерской беллетристики сер. 1920-х гг. постепенно отступал перед лицом сюжетов с установкой на достоверность и бытоописательность в изображении пионерской повседневности. С. Я. Маршак в 1936 г. окончательно заклеил пионерскую беллетристику, назвав ее авторов «безличной ордой», а ее саму «любительщиной», «написанной по срочному заказу»; охарактеризовал он и причину ее появления: «Все левацкие загибы школы отразились в этой сомнительной публицистике или беллетристике для детей», а затем откажет ей в существовании, выдвинув новых образцовых героев: «И героями в ней (новой детской литературе. — С. М.) будут не те, кто в первые годы своей жизни испытал столько крутых перемен в быту, в семье, в школе, а «нынешние» дети, гораздо более счастливые, имеющие право и возможность жить законными интересами своего возраста» [Маршак 1936, с. 22].

Раздражение Маршака вполне объяснимо: беллетристика, представленная, в частности, в пионерских сериях, никак не вписывалась в «неореалистическую», позитивистскую картину детской литературы 1930-х гг., да и строгим требованиям, предъявляемым Маршаком к художественности детской книги, тоже не отвечала. Тем не менее она была существенным участником единого процесса становления детской литературы. Пусть и отказывая пионерской беллетристике в праве на существование, Маршак в 1936 г. осмысляет ее как отдельную разновидность детской литературы.

Более того, эта беллетристика, как и «канареечная дореволюционная литература», нужна была самому Маршаку в его риторических построениях, чтобы закрепить свои позиции в отношении его предположений о детской литературе. Пионерская беллетристика стала

своеобразным буфером между передовыми детскими писателями, составившими впоследствии «медальонную галерею литературных генералов» [Гаспаров 1996, с. 7–13], и властью, оказавшись в 1930-х разменной картой в игре за «большую детскую литературу».

Традиционная литературоведческая брезгливость по отношению к писателям «второго ряда» сказалась и на судьбе изучения нестатусной беллетристической продукции для читателей-пионеров. В то время как писатели «большой детской литературы» устаивались исследовательских монографий, она, как и многие явления детской литературы и словесности (беллетризованные биографии пионеро-героев, пионерская песня, журнально-затейническая драматургия, фельетоны и очерки, опубликованные в детской периодике), до сих пор находится в статусе преданных забвению «канареечных» опусов, разделив таким образом судьбу творчества Чарской.

Примечания

¹ См. книговедческие работы об истории книгоиздания в период НЭПа: [Юдин 2001; Динерштейн. 1971] и др.

² В ней, точно так же как внутри советской литературы для взрослых, отдельное место занимает агитационно-пропагандистская литература: беллетризованные биографии партийных вождей, массовая песня, государственный гимн и, шире, «пропагандистские тексты» (термин Д. Вайсса), — партийные манифесты и программы, толковые словари, присяги и пр.

³ Именно пионерская пресса 1920-х гг. сыграла существенную роль в формировании пионерских «сюжетов и образов». Хотя в пионерских газетах и журналах публиковались произведения и непионерских авторов [Балина 2008, с. 17–18], в 1920-е гг. совокупный объем их произведений значительно уступал творчеству просоветских литераторов.

⁴ Иначе как «книжки» их не назовешь. Это малоформатные брошюры, иллюстрированные в две краски, объемом от 10 до 50 страниц.

⁵ [Стрельбицкий 1924; Хотинский 1924; Рыжков 1924; Блях, Голобородько 1924; Блях, Голобородько 1924; Кильколых 1924; Новые песни юных ленинцев 1924; Паули 1924] и др.

⁶ В настоящей статье вне рассмотрения останутся такие серии, как *Новая библиотека школьника*, *В помощь школьнику*, *Библиотека школьника*, *Дешевая библиотечка*, *Новая детская библиотека*. Они также, конечно, находились в русле новых требований, но особо показательны именно пионерские серии, адресованные сугубо новому типу читателя — советскому подростку-пионеру.

⁷ См., напр.: [Лупанова 1969, с. 46, 54, 67–70].

⁸ Об отклике взрослой литературы на этот заказ см., напр. [Маликова 2006].

⁹ Орфография в цитате в соответствии с оригиналом.

¹⁰ См. об этом работы по социальной истории: [Сальникова 2003; Рожков 2002; Рожков 1999].

¹¹ Достаточно вспомнить растиражированный в детской литературе рассматриваемого периода сюжет побега из дома, например на похороны к Ильичу. В серии «Библиотека юного пионера» в 1925 г. была опубликована книга Павла Дорохова *Как Петунышка ездил к Ильичу* (М.: Новая Москва, 1925).

Источники

Варич С., Филло Н. Приключения Кима. Путешествие по Африке (Стихи для детей). Харьков: Кремпечать, 1925.

Война. 1915. № 22.

Голубков В. Современная беллетристика для школы // Просвещение на транспорте. 1925. № 1.

Гринберг А. О новой детской книге и ее читателе // Народный учитель. 1926. № 9. С. 98.

Гумилевский Л. Памятник // *Гумилевский Л.* Лушина воля. Рассказы. М: Новая Москва, 1925 С. 3–8.

Дитрих Ю., Олейников Н., Беленко ..., Кетлинская В. Декларация ленинградской группы детских писателей-коммунистов // Книга детям. 1929. № 6.

Добин Х. Современная детская литература // Вожатый. 1925. № 23.

Д-р Блях и Голобородько. Катание на коньках. Харьков: Всеукр. о-во содействия Спартаку, 1924.

Д-р В. Блях и М. Голобородько. Лепка [из снега. Зимние игры]. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

Дорохов П. Н. Сын большевика. М.: Новая Москва, 1925.

Дядя Левонтий [Леонтьев Л.] Пионер как он есть. Харьков: Юный ленинец, 1925.

Желобовский А. Пионеры в литературе (По существу и по поводу) // Нар. учитель. 1926. № 9.

Желобовский И. А. Против снижения жанра: По поводу статьи Остроумова // Книга детям. 1930. № 1.

Зингерман А. Опыт постановки справочной детской читальни (Киевская центральная детская б-ка) // Красный библиотекарь. 1926. № 9.

Кильколых С. и Лир В. Два года пионерской организации. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

Кореньков В. Всегда готов! (Геройский подвиг пионера) М.: Новая Москва, 1925. С. 19.

Кремнев С. Юные пионеры: Пьеса в 3-х действиях из жизни юных пионеров. Харьков: Юный ленинец, 1925.

Крупская Н. К. Об учебнике и детской книге для 1 ступени [Речь на 1 Всероссийской конференции по учебной и детской книге. 8–15 мая 1926] // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 3. М., 1959.

Крутиков Д. Васька-кочеток. М: Новая Москва, 1926.

Ларина Л. Заслужил // Ларина Л. По-разному: сб. рассказов. Харьков: Юный ленинец, 1925.

Ларина Л. Помогла // Ларина Л. По-разному: сб. рассказов. Харьков: Юный ленинец, 1925.

Марголина С. О беллетристике в детских журналах: Впечатления обозревателя // Нар. учитель. 1926. № 9.

Маршак С. Я. За большую детскую литературу // Детская литература. 1936. № 1.

Маршак С. Я. О большой литературе для маленьких // Маршак С. Я. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1971.

Михайлов М. Федька Апччи. Харьков: Юный ленинец, 1925.

Моложавый С. По вопросу о реализме в детской литературе // Новые детские книги. Сб. 4. М., 1926.

Новые песни юных ленинцев. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

Остроумов Л. В защиту жанра: «Небывальщина» и романтизм // Книга детям. 1930. № 1.

Паули Е. Весенние экскурсии. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», год неиз.

Позднякова Ю. Опыт сравнения детских читательских интересов по методу спроса за 1925 и 1928 гг. // Красный библиотекарь. 1929. № 10–11.

Покровская А. К. «Приключения» в современной детской литературе (Обзор 19 книг) // Новые детские книги. Сб. 4. М., 1926.

Полянская А. Роль библиотеки в борьбе с детской преступностью: В порядке дискуссии // Красный библиотекарь. 1929. № 5–6.

Разин И. М. Библиография пионерской и детской книги (1919–1925). М.; Л.: Мол. гвардия, 1926.

Резолюция XIII съезда партии // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. документов. М.: Мысль, 1972.

Рыжков В. Л. Что можно увидеть под микроскопом. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

Стрельбицкий С. Д. Шахтер и шахта. Харьков: Всеукр. о-во содействия «Юному ленинцу», 1924.

Хотинский Е. С. Юный химик. Харьков: Всеукр. о-во содействия юным ленинцам, 1924.

Исследования

Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб. Дмитрий Буланин, 2003.

Балина М. У истоков детской литературы: иллюзии и факты // В измерении детства: сб. ст. по материалам Междунар. науч. семинара «Русская детская литература: национальное и региональное». 27–29 февр. 2008 г. Пермь: РИО Пермского гос. пед. ун-та, 2008.

Гаспаров М. Л. Лотман и маркисизм // Новое литературное обозрение. М., 1996. № 19. С. 7–13. Цит. по интернет-републикации: URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/_GASPAROV_3.HTM

Динерштейн Е. А. Издательское дело в первые годы Советской власти. М.: Книга, 1971.

Лупанова И. П. Полвека: Советская детская литература, 1917–1967. М.: Дет. лит., 1969.

Маликова М. «Скетч по кошмару Честертона» и культурная ситуация нэпа // Новое литературное обозрение. 2006. № 78.

Путилова Е. О. Ф. К. Сологуб и Л. Чарская // Рус. лит. 1995. № 5.

Рожков А. Ю. Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1.

Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002.

Рожков А. Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социол. исслед. 1999. № 7.

Сальникова А. А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. М., 2003.

Юдин А. В. Учебно-педагогическое книгоиздание в 20–30-е гг. XX столетия. М., 2001 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/YudinKnigoizd20-30god/index.htm>